

DOI 10.35775/PSI.2024.108.8.032

УДК 32

Г.С. ЛАПШАКОВ

ассистент кафедры социологии политических
и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета
(СПбГУ), Россия, г. Санкт-Петербург

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ПЕРИОД МЭЙДЗИ: ПРИМЕР БАНКНОТ ОБРАЗЦА 1873 ГОДА

Период Мэйдзи, на который пришлось модернизация Японии, стал не только началом ее экономических успехов, но и временем серьезных вызовов. Радикальный слом прежнего социального уклада и стремительная вестернизация требовали от новой власти значительных усилий по поддержанию собственной легитимности. Исторические нарративы играли в этих усилиях ключевую роль. В статье рассматривается один из инструментов исторической политики Японии в период Мэйдзи: изображения на банкнотах образца 1873 года, дизайн которых отличался изобилием исторических и мифологических сюжетов. Поскольку количество изображений, которые могут быть нанесены на купюры, ограничено числом их номиналов, выбор для этих целей конкретных исторических сюжетов дает ценную информацию о идеологии утвердившего этот выбор государства.

Ключевые слова: Политика памяти, историческая политика, национальная идентичность, Япония, Реставрация Мэйдзи.

Введение. Период правления императора Мэйдзи (1868-1912) ознаменовался масштабной трансформацией японского общества и государства, итогом которой стало превращение закрытой сословно-феодальной Японии в индустриально развитую Японскую империю. Этот переход был обусловлен перенятием японскими властями целого ряда западных технологий и институтов, в том числе подразумевавших серьезное увеличение роли государства в жизни человека: массовой регулярной армии и системы всеобщего образования. Значительные масштабы преобразований и их относительно сжатые сроки делали особенно актуальной задачу сохранения легитимности властей в глазах населения. В этом контексте обращает на себя внимание следующий факт: вопреки проводимой политике вестернизации, идеология Японии периода Мэйдзи опиралась на идеи возрождения изначальных основ японской государственности, существовавших еще до правления сегунов [2. С. 26].

Исторические нарративы транслировались, в том числе, через уже упомянутые систему образования и призывную армию. Апелляция к истории содержится как в Императорском рескрипте об образовании (1890), так и Императорском рескрипте солдатам и матросам (1882). Первый рескрипт в обязательном порядке изучался во всех учебных заведениях Японии, а в ключевом для японской

идеологии 1930–1940-ых годов тексте Кокутай-но хонги он признавался важнейшим во всем идейном наследии периода Мэйдзи [14. С. 337]. Второй же рескрипт играл роль пособия для японских солдат, обязательного к изучению в армии [12. С. 46]. Таким образом, развитие новых институтов расширило возможности правящих элит по идейному воздействию на массы, в том числе с целью популяризации официально принятых оценок исторического прошлого. Это обстоятельство позволяет говорить о формировании в Японии периода Мэйдзи исторической политики, которую можно понимать, вслед за А.И. Миллером, как «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [8. С. 19]. Изучение исторической политики дает возможность лучше понять особенности становления в Японии гражданской нации и национальной идентичности, а также предпосылки формирования современной исторической политики Японии. В данной статье рассматривается один из примеров использования исторических образов в официальном дискурсе периода Мэйдзи: бумажные банкноты образца 1873 года, дизайн которых отличался изобилием исторических и мифологических сюжетов.

Банкноты периода Мэйдзи. По мере централизации и развития валютной системы у правительства появилась возможность использовать в своих идеологических целях особый носитель визуальных образов: массово выпускаемые государством и аккредитованными им национальными банками банкноты. Хотя бумажные деньги периодически использовались в Японии и ранее, именно в период Мэйдзи они стали выпускаться на регулярной основе, по единым стандартам и в масштабах всей страны. За это время было выпущено несколько типов банкнот, на которых были изображены сцены из японской истории и мифологии, исторические личности и другие символически значимые образы. Участвуя в товарно-денежных отношениях, бумажные деньги получают в обществе широкое распространение. Более того, количество изображений, которые могут быть нанесены на купюры, ограничено числом их номиналов. Выбор для этих целей конкретного набора образов может многое сказать об идеологии сделавшего этот выбор или, как минимум, одобрявшего его государства.

Всего за период Мэйдзи было выпущено несколько типов банкнот. Сначала, после введения в 1871 году японской иены, были выпущены небольшие тиражи ранних бумажных денежных знаков с простыми дизайнами [4]. Уже в следующем, 1872 году, в Японии была создана новая децентрализованная банковская система по американскому образцу, которая подразумевала открытие четырех частных банков со статусом национальных и предоставление им права выпуска конвертируемых банкнот. Эта система была создана для поддержки внешней торговли и промышленности Японии. В 1873 году национальными банками, по единому образцу, были выпущены новые банкноты, по дизайну подражавшие американским и имевшие номиналы в 1, 2, 5, 10 и 20 иен. Их изготовление было заказано у американской компании, которой были переданы описания сюжетов, подлежащих размещению на банкнотах. Благодаря использованию

западных технологий печати на них были нанесены детальные изображения людей, местностей и событий, специфичные для каждого номинала. Изначально банкноты должны были быть обеспечены золотом, что затрудняло их выпуск. В 1876 году это ограничение было снято, а количество национальных банков резко возросло. Уже в следующем году произошло Сацумское восстание, вызванное сопротивлением самурайского сословия отнятию у него привилегий и созданию национальной армии. Восстание повысило расходы государства, вынудив его в 1877 и 1878 годах выпустить через национальные банки дополнительные купюры достоинством в 1 и 5 иен, на которых были изображены военные моряки и рабочие соответственно. Эти банкноты также не были обеспечены золотом, что привело к стремительной инфляции [10]. Дополнительно существовало еще несколько видов банкнот, которые выпускались правительственными учреждениями без участия национальных банков: несколько серий банкнот 1868-1872 годов (с изображениями драконов и фениксов, а также императорских хризантем и некоторых других растений) и банкноты 1881-1883 годов (с изображением легендарной императрицы Дзингу) [9]. В итоге, в 1882 году был создан Банк Японии, который постепенно монополизировал выпуск денежных знаков: в 1899 году банкноты образца 1873 и 1877-1878 годов были выведены из обращения, окончательно уступив место обеспеченным серебром банкнотам Банка Японии образца 1885 года, на всех номиналах которых было изображено синтоистское божество богатства Дайкокутэн [10]. Все последующие японские банкноты выпускались уже Банком Японии, при жизни императора Мэйдзи выпущены банкноты с изображением ряда деятелей древней истории Японии (Такэноути-но Сукунэ, Фудзивара-но Каматари, Вакэ-но Киемаро, Сугавара-но Митидзанэ) [9].

Визуальные образы на банкнотах образца 1873 года. Среди перечисленных купюр особый интерес с точки зрения анализа визуальных образов представляют купюры национальных банков образца 1873 года, относящиеся к началу периода Мэйдзи. На всех банкнотах каждого из пяти номиналов имелось сразу три отдельных сцены. На лицевой стороне, в левой и правой ее частях, размещались две сцены, связанные друг с другом по смыслу. На обратной же стороны купюры размещалась одна крупная сцена, занимавшая большую часть поверхности и уже не обязательно имевшая прямую связь с двумя другими.

Наименьшим номиналом среди купюр образца 1873 года обладала банкнота достоинством в 1 иену. В левой части ее лицевой стороны изображен небольшой деревянный корабль, идущий недалеко от побережья и несущий на борту отряд из более чем десяти воинов, вооруженных копьями. В правой части банкноты изображен стоящий на берегу мужчина в доспехах, сжимающий обеими руками лук и смотрящий в сторону морских волн. Интерпретация обоих сюжетов в настоящее время остается спорной. В материалах Музея денег Банка Японии поддерживается версия, что лучником является Камицэкуно Тамити (Тади) [9]. Это военачальник, упоминаемый в древнеяпонском памятнике «Нихон секи» («Анналы Японии») [11. С. 316]. Он участвовал в войнах с племенами эмиши на севере острова Хонсю во времена императора Нинтоку, которому японская

традиция приписывает правление в 313-399 годах. Включение северной части Хонсю в состав Японии заняло несколько веков, завершившись только к XII веку. Сцена с военным кораблем не имеет устойчивой интерпретации.

В то же время, на развороте банкноты номиналом в 1 иену был помещен широко известный исторический сюжет: отражение монгольского вторжения в Японию [9]. Он передан в виде батальной сцены. На морском берегу стоят японские конные и пешие воины, обороняющиеся от надвигающихся на них из волн монгольских солдат, также конных и пеших. Изображены погибшие солдаты и летящие стрелы. Практически в центре композиции, на переднем плане, помещен возвышающийся над остальными японскими воинами всадник в самурайских доспехах. Он восседает на белом коне, вставшем на дыбы. Рядом с ним, в воде, находится монгольский всадник, практически обращенный к противнику спиной и смотрящий на него снизу вверх. Его конь, при этом, погружен в воду по спину и смотрит в сторону от берега. На заднем фоне видны крупные корабли с парусами. Этот сюжет имеет особое значение, поскольку он отражает единственную в средневековой истории Японии попытку иностранного вторжения на ее территорию. Во времена правления хана Хубилая, внука Чингисхана, империя Юань дважды предпринимала походы против Японии, в 1274 и 1281 годах [2. С. 238]. В обоих случаях вторжение заканчивалось полным разгромом монгольской армии, значительную роль в котором сыграли тайфуны. Эти события внесли большой вклад в формировании мифа о непобедимости японцев и становление их национального самосознания. В Японии получила распространение точка зрения, что пришедший ей на помощь ветер был ниспослан защищающими страну синтоистскими богами. Так появился известный термин *камикадзе* — «божественный ветер», которым японские историки впоследствии обозначили это явление и который позднее использовался в период Второй мировой войны. Следует также учитывать, что монгольские войска были врагами не для конкретного сегуна или дайме, а для всей Японии. Поэтому внимание к этому событию в контексте развития единого национального самосознания выглядит закономерным.

Следующим номиналом выпуска 1873 года были 2 иены. На лицевой стороне этой купюры изображены Кодзима Таканори и Нитта Есисада, два героя времен Реставрации Кэмму (1333-1336) — последней, вплоть до Реставрации Мэйдзи, попытки императора вернуть себе фактическую власть, отнятую у императорского дома сегунами из рода Минамото в XII веке [9]. Оба сражались на стороне предпринявшего эту попытку императора, Го-Дайго, девизом правления которого и было «Кэмму». Хотя Реставрация Кэмму закончилась неудачей, этот исторический сюжет закономерно привлекал внимание идеологов Реставрации Мэйдзи [3. С. 73]. В левой части банкноты находится Кодзима Таканори. Он стоит перед деревом и наносит текст на участок его ствола, очищенный от коры. Этот сюжет описывается в средневековом японском эпическом произведении «Тайхэйки» («Повесть о Великом мире»): в 1332 году, когда Го-Дайго находился в плену у сегунских войск, Таканори пробрался в сад у места

временного содержания императора и оставил там послание, вырезав на стволе дерева строки из «Ши цзи» («Исторические записки»), классического сочинения древнекитайского историка Сыма Цяня [15. С. 149]. Текст послания метафорически передавал Го-Дайго, что у него еще остались сторонники, которые готовы и дальше воевать на его стороне. В правой же части банкноты помещен Нитта Есисада, стоящий на морском берегу и бросающий в волны меч. Этот сюжет также описан в «Повести о Великом мире». В 1333 году Есисада, продвигаясь с войском в сторону Камакуры, столицы сегунов, встретил препятствие в лице неприступного вражеского лагеря. Оценив обстановку, полководец отступил и обратился с молитвой к морскому богу-дракону. Он сообщил, что борется за императора, потомка богини солнца Аматэрасу, против его мятежных вассалов. Есисада попросил божество отвести воды и открыть войску более удобный путь, преподнес ему свой меч [15. С. 369]. В итоге, полководцу действительно удалось дойти до Камакуры и взять ее штурмом. Это привело к падению первого в истории Японии сегуната и началу самой Реставрации Кэмму. Тем не менее, она продлилась недолго: в 1336 году самурайскому роду Асикага удалось установить новый сегунат.

На обороте этой же купюры номиналом в 2 иены изображены башни замка Эдо, ставшего в период Мэйдзи новым императорским дворцом [9]. До этого он был резиденцией сегунов из рода Токугава, правивших из него Японией в течение периода Эдо. Столица первого сегуната, переживавшая упадок Камакура, также находилась в относительной близости к городу Эдо. К моменту выпуска банкнот прошло всего пять лет со свержения сегуна и превращения его города в императорскую столицу. Эдо получил новое название, Токио («восточная столица») – в противовес находящемуся западнее Киото, который оставался столицей и резиденцией императоров с самого своего основания в 794 году. Таким образом, новый дворец был основан прямо на месте бывшего центра власти сегунов, отражая возвращение императору прямого контроля над страной.

Третьим по размеру номиналом среди банкнот образца 1873 года обладала купюра достоинством в 5 иен. На ее лицевой стороне изображены сцены работы крестьян на рисовых полях. В левой части банкноты помещена посадка риса группой крестьян, в правой – сбор урожая [9]. Этот сюжет отражает важную сторону традиционного японского быта. Рисовое земледелие долгое время служило основой для традиционного общества Японии [6. С. 226]. Будучи трудоемкой в возделывании культурой, рис вынуждал крестьян работать вместе, чтобы создавать и поддерживать заливные рисовые поля. Именно появление на Японском архипелаге риса в течение периода Яей (III в. до н.э. – III в. н.э.) привело к усложнению местных сообществ и создало предпосылки ранней японской государственности [2. С. 42]. К периоду Мэйдзи основная часть населения все так же занималась сельским хозяйством. А поскольку упразднение феодального деления страны и феодальных армий сделали население непосредственными подданными единого государства, крестьяне были основным источником налоговых поступлений и рекрутов. Так, для повышения эффективности их налогообложения была

проведена аграрная реформа, унифицировавшая поземельный налог [3. С. 56]. Военная же реформа и введение всеобщей воинской повинности сделали крестьянство основой для новых вооруженных сил [3. С. 48]. Достаточно близкими по смыслу являлись изображения на упомянутых ранее дополнительных купюрах 1877 и 1878 годов номиналом в 1 и 5 иен соответственно. Они также имели народные сюжеты, но обращались уже исключительно к реалиям современной Японии: на банкноту достоинством в 1 иену помещены два военных матроса, а на банкноту в 5 иен – кузнецы за работой (с обратной стороны на обеих помещен Эбису, синтоистский бог богатства). Матросы и кузнецы отражают новую роль народа в наступившую эпоху. Национальные вооруженные силы стали одним из ключевых инструментов устранения прежней сословной структуры общества. Рабочие же связаны с политикой по созданию в Японии современной промышленности [4]. Японские крестьяне, все более вовлекаясь в новые сферы жизни государства, постепенно превращались в японскую нацию.

С оборотной стороны этой же купюры достоинством в 5 иен изображен мост Нихонбаси и его окрестности, на фоне этого пейзажа возвышается гора Фудзи [9]. Нихонбаси (дословно «японский мост») является историческим центром ключевого делового района Токио, получившего от него то же название. Начиная с периода Эдо Нихонбаси превратился в центр торговли общепонского значения, поскольку занимал удобное положение в столице сегунов. Именно от Нихонбаси стали измеряться все расстояния между столицей и другими городами страны – это нулевой километр Японии, сохранивший свое значение и в наши дни. Таким образом, этот мост служит символическим географическим центром Японии. Фудзияма, возвышающаяся на заднем плане, веками фигурировала в традиционной японской поэзии и гравюре, а потому также является значимым символом.

Лицевая сторона купюры в 10 иен изображает две группы музыкантов в левой и правой ее частях. Как отмечает А.Н. Мещеряков, это исполнители традиционной японской музыки гагаку [6. С. 226]. Представления гагаку давались потомственными музыкантами при императорском дворе, они были важной частью придворной жизни Японии периода Хэйан. Этот период сопровождался постепенным упадком централизованного государства («рицуре»), выстроенного прежними императорами по китайскому образцу, и ростом значения самурайских кланов. Именно результатом этих процессов стало установление в Японии военной власти сегунов, возвысившихся из самурайской среды и отнявших высшие силовые функции у императорского двора. В то же время, период Хэйан – это эпоха расцвета классической японской культуры, центром развития которой был императорский двор. Музыка гагаку смогла пережить установление в стране сегунского правления: музыканты стали ориентироваться на высшую аристократию, а потому их гильдии просуществовали весь средневековый период японской истории. После Реставрации Мэйдзи новое правительство обратило внимание на эту традицию и начало ее возрождение при императорском дворе.

На обороте этой же купюры достоинством в 10 иен изображена восседающая на коне и вооруженная луком женщина, выезжающая на морское побережье

в окружении конных и пеших воинов. Это мифическая императрица Дзингу в сопровождении своей армии [9]. Японская мифологическая традиция приписывает ей покорение Корейского полуострова в III веке. Как уже отмечалось, ее портрет, первый полноценный портрет на японских банкнотах за их историю, был позже изображен на купюрах образца 1881-1883 годов [4]. Такое внимание к ее образу объяснимо контекстом внешней политики, проводимой Японией в период Мэйдзи. Образ Дзингу обрел особое значение в преддверии грядущего вторжения в Корею, которая стала одним из важнейших направлений внешней экспансии Японской империи [1. С. 36]. Всего через несколько лет после принятия конституции 1890 года, во многом подведшей итоги Реставрации Мэйдзи, Япония развязала войну 1894-1895 годов с Китаем за господство над Кореей. Со стремлением Японии обеспечить прочный контроль над Корейским полуостровом связана и Русско-японская война 1904-1905 годов. Образ императрицы Дзингу подкреплял японские притязания на полуостров. В то же время, в нем важен и другой аспект: согласно легендам, войско в Корею Дзингу повела лично. Именно утрата императором военной власти в Японии привела к его превращению в церемониальную фигуру и возвышению сегунов. Поэтому данный сюжет имеет большое значение в контексте возвращения высшего военного командования от сегуна к императору.

Наибольшим номиналом среди банкнот образца 1873 года обладала купюра в 20 иен. На ее лицевой стороне изображен сюжет из японской мифологии. В левой ее части находится восьмиглавый змей, нависающий над несколькими крупными кувшинами и опустивший голову в один из них. В правой части - мужчина с мечом на поясе, сидящий на скале и смотрящий вниз. Изображенный на купюре змей - Ямата-но ороги, по легенде поверженный богом бури Сусаноо-но Микото, братом богини солнца Аматэрасу [9]. Именно Сусаноо изображен в правой части банкноты. Согласно древнеяпонскому тексту Кодзики («Записки о деяниях древности»), Сусаноо опоил змея с помощью восьми бочек сакэ, после чего разрубил его на части [5. С. 59]. Это предание занимает важное место в японской мифологии, поскольку в нем, разрубая хвосты змея, бог бури находит клинком на заключенный в одном из хвостов меч Кусанаги-но цуруги («Меч, скашивающий траву»). Пораженный находкой меча, способного повредить его собственный, Сусаноо преподнес его в подарок своей сестре, богине солнца Аматэрасу. Схожим образом этот миф передается и в «Нихон секи». Позднее меч достается внуку Аматэрасу, Ниниги-но Микото, а затем его правнуку, легендарному основателю Японии и родоначальнику императорского дома - императору Дзимму. С тех пор Кусанаги-но цуруги и переданные вместе с ним Аматэрасу бронзовое зеркало и яшмовые подвески считаются главными регалиями императорского дома Японии [13. С. 183]. Таким образом, изображенный на купюре сюжет прямо связан с легендарной историей последнего, напоминая о его божественном происхождении. Обращение к мифологическим сюжетам происходит в контексте возрождения интереса японских властей к синтоизму в период Мэйдзи. Впервые

за многие века синтоизм был разграничен с буддизмом и получил государственную поддержку [3. С. 26].

На обратной стороне этой же купюры в 20 иен помещена сцена встречи двух групп воинов, в ходе которой представитель одной группы передает копье представителю другой. Как отмечено в материалах Музея денег Банка Японии, эта сцена изображает «передачу земли» («куниюдзури») - значимый сюжет японской мифологии, который описывается в «Кодзики» и «Нихон секи» [9]. Согласно этим текстам, власть над землями Японии изначально принадлежала земным божествам, происходящим от изгнанного с небес бога Сусаноо, а их предводителем был Окунинуси [5. С. 61]. После того, как последний обустроил свои владения, Аматаэрасу приняла решение передать их одному из своих потомков. Первые несколько посланников с небес не смогли воплотить ее волю, но в итоге Окунинуси и его сыновья согласились ей подчиниться. Именно этот момент передачи власти небесным посланникам и изображен на банкноте. Уже затем с небес спустился внук Аматаэрасу, Ниниги, и принял новые владения. О принес с собой и три регалии Аматаэрасу, включая фигурирующий в мифе с лицевой стороны банкноты меч Кусанаги-но цуруги. Согласно японской мифологии, правнук Ниниги, Дзимму, в 660 году до н.э. стал первым императором Японии и предком всего императорского дома. С 1872 года легендарное воцарение Дзимму ежегодно отмечалось в Японской империи 11 февраля как «День основания империи». И хотя этот праздник был отменен в 1948 году американской оккупационной администрацией, в 1966 году он был восстановлен как «День основания государства». С тех пор 11 февраля остается одним из государственных праздников современной Японии. Таким образом, сюжет банкноты отражает один из наиболее значимых и устойчивых образов мифической истории Японии, объясняющих происхождение императорского дома.

Выявленные образы. Анализ сюжетов на банкнотах образца 1873 года показывает, что большая часть из них связана с историей Японии. И, таким образом, они дают довольно подробное представление об официальном историческом нарративе, трансляция которого и была целью исторической политики японских властей в соответствующий период. На банкнотах происходит апелляция к тем эпизодам, которые подчеркивают:

1. Связь императорской власти с мифологической историей Японии (добывающий будущую императорскую реликвию бог Сусаноо, передача власти над Японией потомкам богини Аматаэрасу).
2. Единство Японии в прошлом (войны с эмиси, придворные традиции периода Хэйан, противостояние вторжению монголов).
3. Исконность прямого правления императоров и противоестественность эпохи правления сегунов (императрица Дзингу во главе войска, герои Реставрации Кэмму, ставший императорской резиденцией Замок Эдо).

Синтоистские божества изображены на банкнотах в облики простых людей, что визуально приближает мифологическую историю к реальной. Отсутствие самого императора Мэйдзи на банкнотах объяснимо тем, что в японском

искусстве изображать императора было не принято – это было частью его божественной неприкосновенности [7. С. 16]. Тем не менее, обращает на себя внимание полное отсутствие на банкнотах современных периоду Мэйдзи или близких к нему исторических персонажей. Эта особенность будет сохраняться на деньгах Японской империи вплоть до ее поражения во Второй мировой войне и смены ее идеологии. На поздних банкнотах периода Мэйдзи, а также на банкнотах периода Тайсе и раннего периода Сева будут помещаться деятели, относящиеся только к древней истории Японии: Такэноути-но Сукунэ, Фудзивара-но Каматару, Вакэ-но Киемаро, Сугавара-но Митидзанэ, принц Сетоку. Зато вскоре после 1945 года на японских банкнотах появятся деятели XIX и XX веков, причем из ранее присутствовавших на банкнотах фигур вновь на них будет изображаться только принц Сетоку, с которым связаны масштабные реформы VII-VIII веков по выстраиванию в Японии централизованного государства и распространение в ней буддизма.

Заключение. Безусловно, банкноты не могут дать полное представление об исторической политике Японии рассматриваемого периода, поскольку это лишь один из существующих источников. И все же, они предоставляют обширную информацию, в том числе в сравнении с ключевыми идеологическими документами периода Мэйдзи: Императорским рескриптом об образовании и Императорском рескрипте солдатам и матросам. Хотя эти документы содержат определенные отсылки к истории, банкноты позволяют ознакомиться с конкретными историческими сюжетами, которые были настолько значимы для идеологии периода Мэйдзи, что были выделены из всего многообразия исторического опыта Японии и размещены на банкнотах для массового использования внутри страны. По этой причине, банкноты являются ценным источником для изучения исторической политики Японии в переломный для развития этой страны момент, когда процесс трансформации ее государства и общества сопровождался формированием японской национальной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дулина А.М. Образ легендарной государыни Дзингу в период Мэйдзи: актуализация мифа о «корейском походе» // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных ученых, посвященные 150-ой годовщине революции Мэйдзи [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» № 7]. СПб.: Изд-во Art-xpress, 2018.
2. История Японии. С древнейших времен до 1868 / отв. ред.: А.Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. Т. 1.
3. История Японии. 1868-1998 / отв. ред.: А.Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. Т. 2.
4. Кахэй хакубуцукан дзе: сэцу тэндзи дзуроку (Каталог постоянной экспозиции Музея денег Банка Японии) // Нихонгинко: кинъю: кэнкю: дзе кахэй

- хакубуцукан (Музей денег Банка Японии) // <https://www.imes.boj.or.jp/cm/collection/tenjizuroku/mod/book/index.html>.
5. Кодзики – Записи о деяниях древности / пер., коммент. Е.М. Пинус. СПб.: ШАР, 1993.
6. **Мещеряков А.Н.** Император Мэйдзи и его Япония. 2-е изд. М.: Наталис, 2009.
7. **Мещеряков А.Н.** Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2003.
8. **Миллер А.И.** Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сборник статей / науч. ред. А.И. Миллер, М.А. Липман. Москва: Новое литературное обозрение, 2012.
9. Мэйдзико: но сихэй «2023 нэн 12 гацу гэндай» (Банкноты с периода Мэйдзи «по состоянию на декабрь 2023 г.») // Нихонгинко: кинъю: кэнкю: дзе кахэй хакубуцукан (Музей денег Банка Японии) // https://www.imes.boj.or.jp/cm/history/haifu/mod/meijiiko_shihe.pdf.
10. Нихон кахэйси хонбун (История денег в Японии) // Нихонгинко: кинъю: кэнкю: дзе кахэй хакубуцукан (Музей денег Банка Японии) // <https://www.imes.boj.or.jp/cm/history/content/#HistoryModern>.
11. Нихон секи – Анналы Японии: В 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Свитки I-XVI. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1.
12. **Османов Е.М.** «Гундзин текую» («Императорское указание военнотружущим») как памятник военной истории Японии // Письменные памятники Востока. 2006. № 1 (4).
13. Синто – Путь японских богов. В 2-х т. Очерки по истории синто / отв. ред.: Е.М. Ермакова, Г.Е. Комаровский, А.Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1.
14. Синто – Путь японских богов. В 2-х т. Тексты синто / отв. ред.: Е.М. Ермакова, Г.Е. Комаровский, А.Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 2.
15. Японские самурайские сказания / пер. В.Н. Горегляда. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

G.S. LAPSHAKOV

Assistant Department of Sociology
of Political and Social Processes, Saint Petersburg State
University (SPbU), Saint Petersburg, Russia

HISTORICAL POLICY OF JAPAN DURING THE MEIJI PERIOD: AN EXAMPLE OF BANKNOTES ISSUED IN 1873

The Meiji period, during which Japan experienced modernization, was not only the beginning of its economic successes, but also a time of great trials. The radical transformation of the old social order and Westernization required the new government to make significant efforts to maintain its own legitimacy. Historical narratives played a key role in these efforts. The article examines a specific instrument of Japan's historical policy during the Meiji period: the historical and mythological images on a series of banknotes issued in 1873. Since the number of images that could be placed on banknotes was limited by the number of their denominations, the choice of specific historical scenes for these purposes provides valuable information about the ideology of the state that approved their use.

Key words: Politics of memory, Historical policy, National identity, Japan, Meiji Restoration.